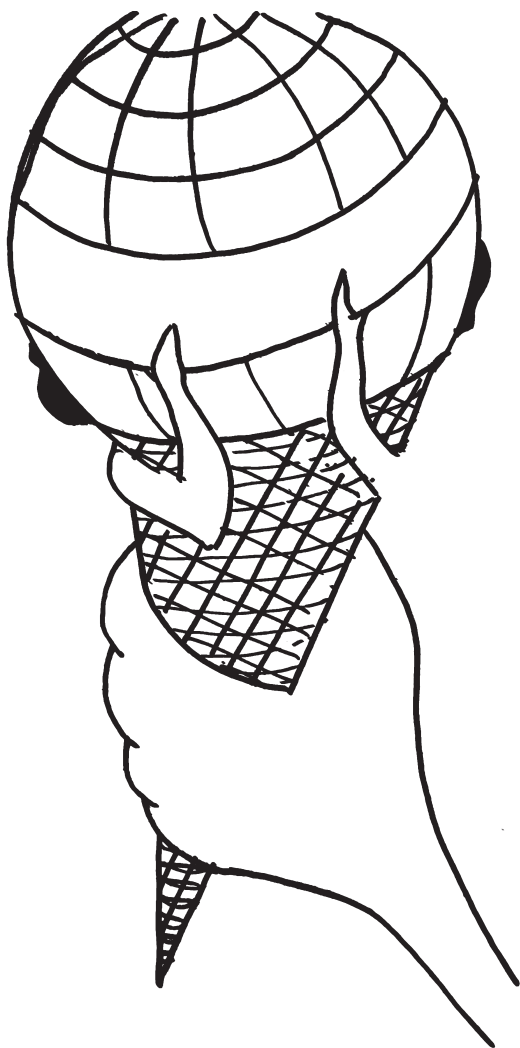
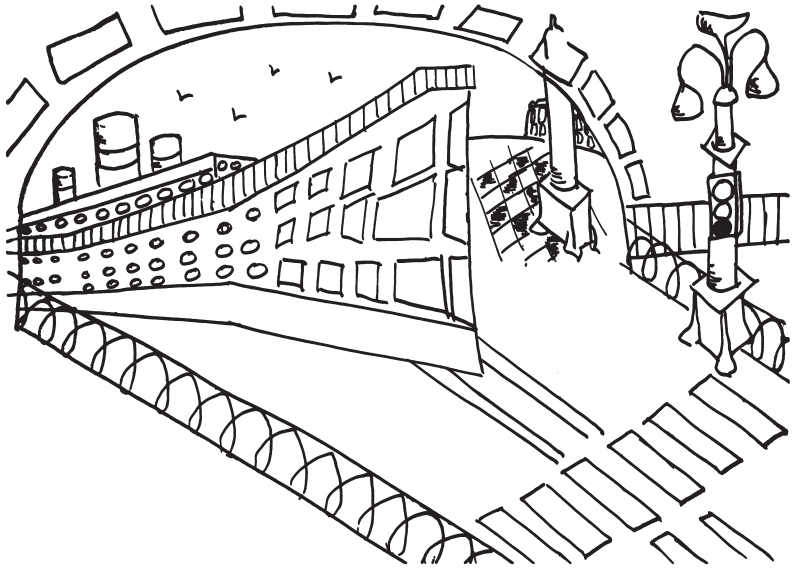

В Питер стекались те, у кого с удачей была напряженка. Им казалось, что приехать сюда стоило только ради того, чтобы тебе фартило всю оставшуюся жизнь. Они еще не знали, что совсем скоро Питер проникнет в их дом, в их постель, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали от этого города, он будет сидеть у них под кожей, как у героев этой истории, где отношения на завтрак, обед и ужин не только со вкусом белых ночей, но и с привкусом серых будней.

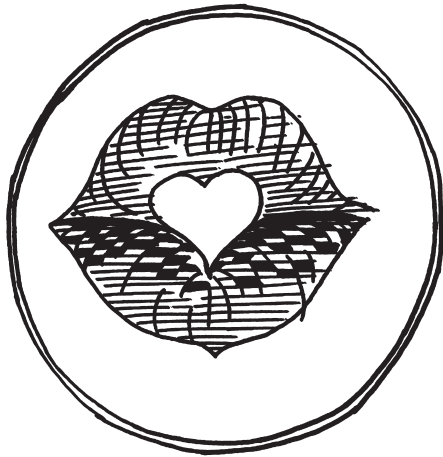

- Есть что-нибудь для души?
- Есть. Питер.

Питер, в него влюбляются с первого взгляда. Со второго хотят остаться. С третьего пытаются понять, с четвертого начинают жить вместе, с половины пятого и допоздна ищут здесь себя и своего человека независимо от погоды и цвета ночи. Очень трудно найти себя именно в Белые ночи. А все эти разговоры, про болото на котором стоит город, сырой, промозглый, серый, можно поставить на мраморный постамент и перевести как морской, загадочный, умный, серого вещества здесь действительно хватает. Где ни копни — культурный слой: дом за домом, улица за улицей, площадь за площадью. За ними внимательно присматривает Нева. Ее бурный характер не дает расслабиться. Она для Питера вроде любящей жены, и любовницы, и музы в одном гранитном флаконе набережных и мостов. Она, как любая мудрая женщина, не ведется на всякого рода разводки и умеет вовремя навести мосты. Нева знает, что Питер необходимо вдохновлять, чтобы он действовал.

Часть 1

Холодные закуски

До встречи со своей женой я целовался с одной красивой девушкой. В парках, в подъездах, в машине, в метро. Потом эта девушка неожиданно выходит замуж, будто выходит из моды. Даже если замуж за тебя. Поцелуев становится заметно меньше, все больше они приобретают характер бытовой, традиционный. И этот момент надо отслеживать, менять сферы влияния, благо волнительных сфер у женщин хватает. Просто переход на другой уровень. Нет смысла все время торчать в пентхаусе, надо уметь спускаться в самые подвалы удовольствий. Это непросто, но действует безотказно.

Вообще, с женщиной никогда не было просто, если с ней просто, значит, это не твоя женщина. А вот с работой ровно наоборот, с некоторых пор я занимаюсь тем, что делает меня счастливым.

Иначе нападает хандра, лень, сомнения. Лучше этот момент переспать, чем накосячить, а потом исправлять. Лучше проспять то время, которое может сделать тебя несчастным. Тем более неудобно, когда исправлять приходится другим. Это совсем не значит, что дела всегда идут хорошо. Дела не могут всегда идти хорошо, чаще они просто идут, а иногда им нужно постоять, перевести дух.

Примерно до тридцати я жил как бессмертный. Некоторые живут так всю жизнь. Такие обычно чего-то ждут. А ждать оказывается не надо, надо идти навстречу. Осознание этого и есть подготовка к старту. В лучшем случае жизнь меняется после тридцати. В худшем – после сорока и позже. Вариантов немного: либо ты фишка в чужой игре, либо отстраняешься и придумываешь свою. Если все меньше интереса к пассивному спортопровождению и вездесущей политике, значит – ты на верном пути. В этих баталиях – я чужой. Мне надоело болеть за других. Здоровье жалко. Все больше меня интересует только одна экстремальная игра.

Жизнь самый большой экстрим, потому что одна, что бы ты ни делал, ты рискуешь... разочароваться. Мои родители из рабочих, они верили в коммунизм, а может быть, делали вид, что ве-

фили, потому что не верить было опасно. Однажды в детстве, когда я закрасивал Ленина на газете «Правда», меня напугали, что за это сажают в тюрьму. Не посадили, но осадок остался. До сих пор считаю всех политиков и чиновников мошенниками и лжецами. Хотя они, конечно, считают иначе, но в свой карман.

Я всегда жалею, что бросил музыкальную школу и не стал пианистом или, хотя бы, рок-музыкантом. Музыка – великое состояние, в нем можно жить, переживать, можно пережить любое дерьмо, не только свое, но и чужое.

Родился я в прошлом веке. Родился на Урале мальчик, с характером как у знаменитых гор, высоких и спокойных. Там, где я рос романтиком, жили рядом зеки и работяги. А те зеки, что выходили на волю, оставались в нашем городке. Его окружало четьре зоны, которые так и не смогли взять в плен – таких ребят, как я, чьим главным талантом было не только умение махать кулаками, но и отвечать за свои слова. К концу школы я почувствовал, что выфос из этого города, родные дворы мне стали малы. Я вышел из провинциального плена и попал в Питер, в плен интеллектуальный.

Я вошел в него через парадный вход, через Арку Главного Штаба. Зимний напомнил мне чем-то

Дворец Культуры «Нефтехимик», только культуры катастрофически больше, по крайней мере, на улицах Питера, помимо достопримечательностей никто не цеплялся.

Умение драться пригодилось позже, после призыва в Армию. Армия – явление многонациональное и подневольное. Это был хороший опыт, челюстно-лицевой, в одной пробирке ты, твоя гордость, ум, честь... все это смешивается с чьей-то наглостью, напором и хамством. В идеале после взбалтывания трусость выпадает в осадок. Дерьмо всплывает. В этом заключался опыт. Но не только. Если раньше я знал кучу способов, как связаться в драку, то теперь я знаю, как в нее не вляпаться.

Вместо того чтобы стать знаменитым, занимался вот этим. Можно назвать это наблюдением. Когда-то я хотел быть знаменитым, а может, все еще хочу. Но время уходит. Все чаще мне кажется, что мы с ним идем в разных направлениях. Молодежи сегодня, как и той, что уже состарилась, остро не хватает перемен: политических, экономических, внутренних, каких угодно. Взрослым просто не хватает. Всем навязывают ценности, цены на которые диктует власть. «Не

хватает» становится нашей формой существования.

Сегодня большой спрос на оптимизм, стараюсь следовать правилу: не надо принимать близко к сердцу то что получилось через ж... Прошлое не счастливее, но выглядит веселее, чем настоящее. Это факт. Сейчас приходится веселить себя самому. Не то что вчера, которое вспоминается с юмором. И даже то, что город и внешне был ближе к Петербургу Достоевского, и внутренне – к «Преступлению и наказанию», не лишало его радости реализма, во многом от того, что рождались живые концерты хорошей музыки. Никто не загадывал на завтра, пели и горели сегодняшним днем. Сейчас ни музыки, ни веселья, есть читки, но все как-то мелко, не дальше чужой подноготной. Смешно, когда крутые бородатые дядьки в наколках бьют себя в грудь за лайки. Все в поисках себя, своей перспективы, своего успеха, своей внешности, в косметическом ремонте прошлого. Они не понимают, что молодость – это сегодня, дальше только кризис среднего возраста и пенсия. Надо учиться получать удовольствие сейчас, иначе за нас его получит кто-нибудь другой.

А всякое недовольство – это недостаток удовольствий. Откуда взяться достатку, когда страна –

это бригада по обслуживанию чьего-то нефтегазопровода. Сырьевая база... во внешней политике, овощная – во внутренней. Вообще, политика – не моя тема. Вообще не тема, спам.

«Лес – наше богатство», – заявила как-то Фортуна, когда мы проходили мимо ее любимого Фонтанного дома, что стоял в лесах. Родина переживает эпоху реставрации. Время, когда, пытаясь сохранить прошлое, страна перестает видеть будущее, чувствовать настоящее. Высокие обещания не приносят дивидендов в настоящем. Если фэнтези я не читаю, на фильмы не хожу, я вне их киноиндустрии. Обещания – это пыль в глаза. Хотя однажды мы сходили с Фортуной в кино. Сплошной попкорн. Мало того, что режиссер снял не тех, еще и бесталанно. Забыл правила съема. Кино как девушка, за ней надо ухаживать, ее надо чувствовать. Нет чувств, нет картины. «Лучше бы пошли в Эрмитаж, там картины живее», – не теряла оптимизма Фортуна после просмотра и добавила: «Кинематограф, как в школе у нас был географ. Скучно». Экран оказался в тот день бездарен, скуден, вял, беспомощен, продажен Пикчерс. Искусство всегда было лакмусом уровня жизни. На подъеме страна или деградирует, хорошо отражается именно в искусстве,

в частности, в важнейшем из них, в кино – широкоформатно и полнометражно. По фильмам видно, «кина» хорошего нет, и пока не будет. «Нам никогда не достичь даже 3D, потому что наше кино сегодня – это две семейные династии (2D)», – смеялась Фортуна. «Династии, кумовство – это то, что тормозит развитие общества и делает из него толпу, а из искусства – корм. На толпу можно варить одно блюдо, главное, кетчупа побольше, она неприхотлива. Фастфудом можно заткнуть ей глотку».

Какая же она умная, Фортуна, часто кажется, что умнее меня, если бы не глупости, которые иногда себе позволяла. Тогда я успокаивался. Я – ум и умение, она – ум и безумие.

Хорошо, что есть Интернет... – это те, с кем я Вконтакте, в связях, прочных и порочных. Там много лишнего, но по крайней мере есть выбор. Фортуна научила меня время от времени отключать все навигаторы и поисковики, чтобы не чувствовать себя приложением, чтобы общаться без лишних телодвижений на сигналы мобильной среды. А то ведь невозможно поговорить – сидишь и дергаешься на всякую ерунду. Звуки эти будто разряды переменного тока, то отрицательные,

то положительные. И все, что ты ощущаешь в итоге – нет стабильного напряжения.

Душе угодно общение вживую, она – антрополог. С ее подачи я мнил себя психологом, интересен был один вид человека – современный. Современный – это состояние души, состояние ума, насколько они богаты. Именно богатство определяет их независимость от возраста и от пола. Современный человек не имеет возраста, потому как живет сейчас.

А сейчас на часах без пятнадцати осень и это немного гложет. В отношениях существует четыре времени года: влюбленность, любовь, привязанность, зависимость. Первые два, как весна и лето, там и надо оставаться как можно дольше, иначе потом придется доставать из кладовки теплые вещи. Женщина должна быть нежна, это лучшее, что она может подарить мужчине. Он себе этого никогда не подарит. В мире много вещей, которые вызывают привыкание: наркотики, алкоголь, сигареты, Интернет, видеоигры, татуировки, эмоции, секс, даже работа. Но самая дурацкая из моих зависимостей – жена. Куда я без нее. А самая главная – жизнь. Без нее тоже никуда. Привяжешься